

Глава 1

Борис Кротов обещал сестре, что навестит ее в субботу. Люба с мужем, художником Васей, зимовала в глухой владимирской деревушке. После лечения у нарколога Вася скрывался от дружков-алкоголиков и ждал прихода творческого вдохновения. Вдохновение запаздывало, а деньги кончались. Люба сообщила по телефону, что у них осталось полмешка картошки, три хвостика моркови и один кочан капусты. Она не просила помощи у брата, но ее «представляешь?» говорили сами за себя. Представляешь, у нас кончаются дрова? Представляешь, я соседке продала свою дубленку? Представляешь, я уже две недели не видела кружочка колбаски?

Как все деликатные люди, сестричка умела создавать проблемы. Всполошила маму. В разговоре с ней загробным голосом твердила: «У нас все замечательно. Мы хорошо питаемся. Мы, наверное, станем вегетарианцами». Василий — вегетарианец! Да он скорее с желудком расстанется, чем от мяса откажется. Мама решила, что дочь и зять на пороге голодной смерти.

Борису пришлось расстаться с мечтами о беззаботном отдыхе: выспаться, поваляться на диване с детективом, прогулять с дочерью в Измайлове, посмотреть за ужином фильм из видеопроката. Вместо этого — рынок, магазины, зимняя дорога. Крупные хлопья снега падают, словно дырявую перину кто-то наверху трясет.

Он ехал по Ярославскому шоссе и мысленно отчитывал сестру: «Ты могла позвонить неделю назад, когда стояла хорошая погода? Ты могла навеститься в Москву, взять у меня деньги, закупить продукты, и я бы отвез тебя в деревню? Нет! Тебе нужно заставить брата таскаться по рынкам и потом ехать неизвестно куда в сплошном снегопаде!»

Вряд ли он бросит ей эти упрёки в лицо. Люба расстроится до слез и в следующий раз позовет на помощь только стоя одной ногой в могиле. Однажды подобное уже было. Почти двадцать лет назад, когда он после армии поступал в университет. Сколько ей было — десять, двенадцать? Последний экзамен, напряжение страшное, мама поехала с ним, ждала в толпе очумевших родителей. Вернулись домой, а Любаша бледнее мела, и глаза закатываются. Оказалось, что у нее уже сутки приступ аппендицита, а она терпела, боялась братику помешать. В больнице еле откачали, три часа операция длилась, на тощем животе шрам остался как от харакири.

Любаша не помнила отца. Он умер, когда ей было пять лет, а брату пятнадцать. С тех пор и до женитьбы она держала Бориса на коротком поводке: он нянчил ее в младенчестве, приводил из детского сада, отводил в школу, колошматил ее дружков-подростков, вытирал ей сопли-слюни в юности, писал курсовые работы в институте и играл роль сдаваемого в аренду старшего брата для ее подружек, лишенных собственных родственников мужского пола. Из армии писал сестричке длинные нудные письма про смысл жизни, а в конце просил внимательно переходить улицу.

Его педагогические усилия не пропали даром. Под машину Любаша не попала и выросла симпатичным человеком: с легкой придурью, но без подлости, с непомерными восторгами и отчаяниями, но без актерства. Он не променял бы ее на десяток других, самых совершенных родственников. И хорошо, что Тоська, его дочь, пошла не в мать, не в отца, а в свою чикчирикнутую тетушку.

* * *

За Торбеевым озером на развилке он сверился с записью маршрута, который продиктовала сестра. Сейчас направо, поворот на Нижний Новгород. Далее прямо — до указателя «Площево». «Дворники» разгоняли снег на лобовом стекле в максимальном режиме, но только прочищали амбразуру в сугробе, налипшем на стекло. Борис внимательно всматривался в белый туннель. Не видно ни леса вдоль дороги, ни перекрестков — только хаотичное кружение снежных хлопьев.

Борис проехал уже двадцать пять километров, а нужно-го указателя все не было. Конечно, Любаша могла ошибиться. Расстояние, как и время, было для нее понятием относительным. Борис понизил скорость, теперь он еле полз, боясь пропустить указатель. Наконец увидел придорожный столб с табличкой. Прочитать невозможно — снег залепил. Борис остановился, вышел из машины. До столба три метра, и сугробы выше колена. Он чертыхнулся и, широко шагая, стал пробираться к нему. Расчистил перчаткой табличку — «Жулебино».

Вернулся в машину, открыл карту Московской области — так и есть, проехал поворот на Площево. Надо разворачиваться. Опасный маневр при плохой видимости и узкой дороге — того и гляди, кто-то в тебя въедет.

Черепашьим ходом он добрался до поворота, указателя не было, но деревня, кажется, виднелась. Через несколько минут он въехал на деревенскую улицу. Большинство домов засыпаны снегом по окна. Ни огонька, ни дыма из труб. Неожиданно прямо перед собой Борис увидел на обочине человеческий силуэт, открыл окно:

— Добрый день! Это Площево?

Силуэт, в телогрейке, ватных штанах, валенках, шапке-ушанке — половая принадлежность не определялась, — что-то ответил, но из-за вьюги Борис не расслышал ни слова. Он вышел из машины и повторил вопрос.

— Площево, — кивнул то ли дед, то ли бабка. — А тебе куда надо?

— В Перематкино. По этой дороге я до Двориков доеду? А там налево, верно?

— Оно, конечно, верно, только от Двориков дорогу не чистят, — последовал ответ.

По тембру голоса Борис определил, что перед ним женщина.

— Не чистят? — глупо переспросил он.

Конечно, разве Любаше могло прийти в голову поинтересоваться, можно ли проехать в их деревню. Она думала, что брат на вертолете с запасами колбасы и тушенки прилетит. Или асфальт поверх снега проложит.

— Надо брать на Лизуново, — сказала дама в зимнем тюремном наряде, — потом на Гидеево, через Молокчу новый мост сделали, и затем на Перематкино. Там особняки выстроили, Федька Эксель-Моксель им дорогу чистит. Проедешь. А на Дворики не бери. Еще можно через военную часть, но круг большой делать, и Жуклино не проскочишь, там две бабки живут, тропинки и те прочистить не могут.

— Погодите, — остановил ее Борис, — давайте заново. Значит, еду прямо до...

— Лизунова, там увидишь, только направо, то есть, — женщина покрутилась на месте и определила, где у нее будет право и лево, — вот сюда не сворачивай. А дальше на развилке в Гидеево лучше спроси, там Зинка Кривая зимует, дом с красной крышей. Взяли моду шифер красить, ее сынок постарался. А дальше через речку рукой подать. После моста на горку въедешь и держись леса, он до Перематкина тянется. У тебя закурить не найдется? Поизрасходовался я на курево.

Это был мужчина! Борис всмотрелся в сизый от мороза треугольник лица, обрамленный ушанкой. Конечно мужик, щетина пробивается. Просто голос у него визгливый, женский. Хорошо хоть бабулей его не назвал. Борис поблагодарил, достал из бардачка пачку сигарет и отдал мужику. Маршрут он представлял себе смутно. Но в третий раз попытаться выяснить дорогу не решился.

Борис колесил по сельским дорогам четвертый час, заезжал в пустые заснеженные деревни, катил вдоль мертвых домов, выезжал на дороги, по которым не было хода, поворачивал назад. Дважды машина буксовала, приходилось откапывать колеса. Он промок насквозь, вода хлопала в ботинках, противно липли к телу брюки. На улице Борис мгновенно замерзал и, даже работая лопатой, не мог согреться. В теплом салоне несколько минут дрожал от холода и мысли, что, если съедет на обочину — все, без трактора не выбраться.

Метель не утихала, радио бодрыми дикторскими головами сообщало о месячной норме осадков, упавших с неба. Быстро смеркалось, фары пробивали снежную завесу лишь на три метра. В довершение всех бед кончился бензин. Борис рассчитывал проехать обещанные двести километров, бак был заполнен на две трети. То ли счетчик барахлил, то ли расход топлива при медленной езде увеличился, но красная лампочка на панельной доске светила дьявольским глазом.

Борис уже давно повернул назад, в Москву. Вернее, принял решение ехать обратно, но двигался наугад, куда дорога выведет. Карта бесполезна — у деревень не было указателей, а по большинству дорог не проедешь.

Он уже не костерил сестру, а ругал себя. Надо было заправиться, а не искать в трех магазинах яичный шампунь от перхоти. Послушать прогноз погоды и сидеть дома. Давно пора купить сотовый телефон. Впрочем, куда по нему позвонишь? Приезжайте, вытщите меня неизвестно откуда, из Московской или Владимирской области. Или уже из Нижегородской? Он выключил радио, которое раздражало голосами и музыкой, несущимися из тепла, света и цивилизации. Потом снова включил — под завывания вьюги тащиться ночью сквозь снежную перину было совсем тошно.

Вспомнил примеры из классической русской литературы — сбившиеся с пути, замерзающие в метель герои. У Куприна есть рассказ «Мелюзга» о зимующих в глухой деревне фельдшере и учителе. Дома с сугробами на крышах. Вол-

ки забираются ночами в деревню и таскают собак. Героям кажется, что зима никогда не прекращалась и не прекратится, что другой жизни, с газетами, умными книгами, музыкой, женскими улыбками, и не существует. Они пьянствуют, развратничают с тупыми деревенскими бабами, опускаются до мелочных обид и жгучей ненависти.

С тех пор климат наш не изменился, и о метелях по-прежнему лучше читать у домашнего очага. «Чтобы жить здесь, в сплошном снежном болоте, нужно быть либо духовно неразвитым, либо сверхразвитым — этаким самодостаточным философом», — думал Борис. Любаша и Василий ни к той, ни к другой категории не относились. И поселиться зимой в деревне — идея бредовая.

Стараясь не поддаваться панике, Борис медленно полз вперед, за каждым поворотом надеясь увидеть огни большой магистрали. Но никаких магистралей — только снег, ветер, черная мгла. Вдруг придется заночевать в машине? Мотор нельзя выключать, иначе перестанет работать печка. Удастся ли потом открыть дверь? Периодически выскакивать и откапывать ее? Развести костер? Бросить в него все, что горит. Утром в качестве знака бедствия зажечь запасное колесо. Забраться в какой-нибудь дом, подобно дачным вора́м и бомжам?

Он представил, как рассказывает о своих приключениях дочери. Глаза Тоси возбужденно сверкают, и она сыплет вопросами:

— А ты испугался? И было темно-темно? А волки выли? А если бы тебе в туалет очень захотелось? Почему ты меня с собой не взял? Ой как жалко!

— И когда я почувствовал, вернее, потерял чувствительность рук и ног, я решил на преступление, — слегка прищипывает Борис и выдерживает эффектную паузу.

Тоська в страхе разевает рот. Пряча ухмылку, он продолжает:

— Нет, я никого не убил. Но вторгся в чужой дом. Из последних сил сорвал замок на двери и, теряя сознание, упал в коридор. Когда я очнулся в крошечной темноте, хо-

лодной и скользкой, как смола, услышал странное шуршание. Чиркнул спичкой — из углов на меня смотрели полчища голодных крыс.

— А дальше? — нетерпеливо требует Тося.

— Ну что дальше? Голыми руками задушил всех крыс. Приготовил их себе на ужин. Сидел у телевизора, курил и смотрел футбол.

— Это все неправда! — наконец соображает Тося. — Ты меня дурачил! На самом деле ты просто переночевал там, а потом оставил хозяевам записку и деньги! Ты меня разыгрываешь!

— Обожаю тебя разыгрывать. — Борис вслух подвел итог в мысленном диалоге с дочерью.

Антонине, Тосе, месяц назад исполнилось двенадцать лет, но для Бориса она всегда была в одном возрасте — умиленно и энергично детском, потому что чувство к ней не менялось с годами. Вернее, не менялось то, что дочь дарила ему, — энергия человечка, привязанного к тебе с восхищением наивного собственника. Жена Галина считала, что он балует дочь. Борис и не спорил — он был готов баловать Тоську всю оставшуюся жизнь. Летом дочь гостила месяц у бабушки, его тещи, в Воронеже. На вокзале, когда встречали Тосю, он ахнул — как вымахала. Но уже через несколько минут от внешней взрослости и следа не осталось, она снова превратилась в щебечущего по-птичьи, угловатого олененка-козленка. Появившаяся вдруг девичья стыдливость — папа, ты мужчина, выйди, я переоденусь — Бориса веселила, как все ее игры во взрослую барышню. Еще в детсадовском возрасте Тося любила нацепить мамины туфли и юбку, взбить волосы, накрасить губы и фланировать с гордым видом по квартире. Каблуки грохотали по паркету, она наступала на подол, падала и в досаде размазывала помаду по щекам. Борис хохотал, Галина возмущалась, а Тоська грозила им — вот погодите, я вырасту. Но не росла, физически, конечно, развивалась, но для него оставалась все тем же существом, непостижимым образом сочетающим теплоту парного молока и костлявость Буратино.

Мысли о дочери отвлекли Бориса, и, увидев неожиданно вынырнувшую из темноты арочную конструкцию, он резко нажал на тормоза. Машину занесло, но она удержалась в колее. Похоже на навес над мостом — такие делают, чтобы по мосту не ездили большие грузовики. Значит, внизу река. Сильных холодов не было, лед не прочный. Чуть в сторону — и съедешь в реку, уйдешь на дно. Разворачиваться? Или рискнуть? Позади две пустые деревни, впереди, возможно, есть люди. У людей, возможно, есть бензин или хотя бы внятное объяснение, как выбраться из этой глухомани.

Борис медленно тронулся с места, проехал по мосту. Дорога ушла влево и стала подниматься на гору. «Жигули» ползли исключительно его молитвами. Въехав в поселок, он облегченно вздохнул — сразу два огонька. Один вдалеке маленький, мерцающий, к нему надо двигаться направо. Другой более яркий и расположен так высоко, что кажется звездой, к нему налево.

Снег по-прежнему сыпал, но воющего ветра уже не было. Неожиданно стихнувшая метель и огоньки на полюсах видимого пространства напомнили Борису те минуты в театре, когда после секундной темноты раздвигается занавес. Пьеса еще не началась, глаза выхватывают на сцене только отдельные детали, и ты замираешь в предвкушении действия.

Какое к лешему «действие»? Кто может жить зимой в этом медвежьем углу? Брошенные старики, спившиеся колхозники-совхозники. Самогон, может, у них и есть, но им машину не заправишь. Борис повернул налево. Проехал меньше километра, забуксовал, и тут же кончился бензин, мотор заглох.

Кротов вышел из машины, закрыл двери на ключ и двинулся к освещенному дому.

У кованой калитки он остановился, отдышался. Большой дом, в окнах двух верхних этажей ярко горит свет, а на первом — полумрак и маленькие огоньки, похоже от свечей. Вовсе не жилище обнищавших крестьян. Скорее —

графская обитель. В такую метель у камина, с рюмочкой бренди, под тихую музыку — красота. Будем надеяться, что фамилия у хозяина не Дракула, он не прижимист и нальет заблудившемуся путнику стаканчик для обогрева.

Борис открыл щеколду на калитке, шагнул вперед и тут же, оглушенный и ослепленный, свалился на колени. Мощные прожекторы, дикий вой сирены, и он стоит на четвереньках, трясет головой, пытаюсь прийти в себя.

Светопреставление продолжалось несколько секунд, но показалось часом. Прожекторы погасли, вой сирены внезапно прекратился, потух свет в верхних этажах дома. Зрение и слух медленно восстанавливались, а когда окончательно вернулись, Борис заметил на крыльце жуткую фигуру. Старуха, ведьма! В черном балахоне, нечесанные волосы торчат во все стороны, а в руках держит.. точно, двустволку.

— Все спокойно, не волнуйтесь. — Продолжая стоять на коленях, Борис скрестил на груди руки. — Я вам не причиню вреда. Я заблудился. Хотел бы купить бензин, если есть, и спросить дорогу до Москвы.

— Вас привело сюда провидение, — сказала старуха. — Можете подняться. — Она слегка качнула вверх ружьем.

У нее был удивительно молодой голос. Очевидно, местная особенность — старики и старухи говорят здесь голосами скопцов. Борис медленно встал с колен, не отнимая рук от груди.

— Вы не могли бы убрать ружье? — ласково спросил он.

— Не могла бы. Оно такое приятно тяжеленькое. И очень хочется на курок нажать. Оно, к сожалению, заряжено. Для вас, к сожалению, а мне пультнуть хочется. Но вы мне нужны.

— Да, да, главное, не волнуйтесь.

Борис сделал несколько шагов вперед, прикидывая, как вырвать у старой карги ружье. И тут она понесла такое, что он замер в изумлении:

— Вы мне нужны для похорон. Надо придать моих девочек земле. Их пятеро: Виолетта, Генриетта, Изабелла, Гар-

сиелла и Просто Мария. Они умерли. От любви. — Старуха мерзко всхлипнула. — Хорошо бы всех самцов перестрелять. Вы самец?

— Ни в коем случае, — пробормотал Борис. Сумасшедшая. Что это за место? Куда он попал? Есть ли здесь еще люди? О да.

— Петровна! — раздался крик с улицы.

Старуха проворно сбежала с крыльца, тычком ружья заставляла Бориса развернуться и оставила дуло воткнутым под его лопатку. К калитке на лыжах подъехал мужичок.

— Петровна, ексель-моксель, я твоему сыну говорил, что эта сигнализация, ексель-моксель, нам весь свет вырубит. Так и случилось. А если предохранители, ексель-моксель, полетели?

— Завтра разберемся, Федорович, — проворковала карга. — А ко мне знакомый приехал погостить.

— Так я вижу, ексель-моксель, машина застряла, снегу навалило, теперь трактором вытаскивать.

Только Борис собрался намекнуть, что ему нужна помощь, чтобы избавиться от чокнутой старухи, как Федорович сам выдал несусветное:

— Петровна, девочки-то твои сдохли? — Старик хохотнул. — Мой Васька их доконал?

— Да, Федорович. Он настоящий сексуальный маньяк. Завтра я его лично зарежу.

— Пожалей мужика! А девочек мне отдай, я их собакам скормлю.

Борис судорожно сглотнул. Происходящее все больше напоминало фильм ужасов. Деревня извращенцев. Снега, сугробы, особняки, ружье в спину, горы трупов, свихнувшиеся старики.

— Нет, они будут похоронены, — возразила старуха. — Жалко, без музыки: я уже кассету Моцарта поставила, а света нет. И могильщик вот у меня есть. Правда?

Борис получил очередной тычок в спину.

— Э-э-э, — протянул он. — Не могу похвастаться, что большой в этом деле специалист.

— Без музыки любой дурак сумеет, — рассмеялся Федорович. — Ну, бывайте, — он развернул лыжи, — завтра я тракторишко подгоню, вытащим, ексель-моксель, машину. Или, может, не торопиться? — Борису послышался заговорщический смешок. — Вы, ексель-моксель, погостите, если понравится? — снова хохотнул.

У Бориса прокатила по спине волна озноба. Более всего он желал убраться отсюда. Немедленно — пешком, на четвереньках, ползком, как крот, зарываясь в сугробы, — только убраться.

— Я был бы вам признателен... — Борис не договорил, получив болезненный удар дулом ружья.

— До свидания, Федор Федорович! — попрощалась старуха. — Спасибо вам!

В ее голосе была ласковость палача, который, поигрывая кнутом, просит посторонних удалиться: «Вы идите, а нам тут побеседовать нужно».

Если бы старая бандерша держала в руках кнут, Борис в два счета с ней бы справился. Показал дряхлой ведьме, как нападать на людей, — месяц бы стоя мочилась. Но заряженная двустволка, приставленная к спине, не прутик и даже не нож.

Маньяк Федор Федорович укатил, а Бориса, подталкивая ружьем, погнали в дом.

— Послушайте. — Борис оглядывался через плечо и пытался смягчить или хотя бы понять свою участь. — Давайте поговорим спокойно.

— Нет, я же знаю. Вы хотите забрать у меня духдху-двухстволку. А я хочу из нее стрельнуть. Не злите меня, а то я не стра... не скра... не справлюсь со своими желаниями.

Она еще и пьяна! Язык заплетается, спиртным от нее несет. Необходимо срочно избавиться от старухи. Выпасть из зоны обстрела.

Они поднялись по ступенькам крыльца, вошли в темный дом. Борис резко упал на пол и откатился в сторону. Далеко откатиться не удалось. Два поворота, и Борис врезался в стену. Тут же ему в ухо уткнулся холодный ствол.